

**ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ
НЕПРАВОСЛАВНОЙ ВЕРЫ В ВОЙСКАХ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНА
РОССИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД**

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы организации духовно-нравственного воздействия на военнослужащих неправославной веры в войсках Дальнего Востока России до 1917 г.

Ключевые слова: католик, лютеранин, магометанин, иудей, костел, кирха, пастор, кистер, мулла, раввин, курат, причетник, прозелитизм.

В армии новой, постсоветской России остро стоят вопросы духовного, нравственного, да и просто общечеловеческого воспитания военнослужащих, понуждения их к добросовестному и осознанному выполнению воинского долга, привития чувства любви к своей Родине. Наличие этих проблем, поиск путей их решения требуют обратиться к прошлому, изучив которое и проанализировав его, можно двигаться вперед, используя полученные знания применительно к реалиям современности.

В сложившихся на данном этапе развития страны обстоятельствах руководство российской армии находится в поиске новых форм и методов воздействия на личный состав Вооруженных сил. Так, в 2009 г. официально принято решение о привлечении представителей религиозных конфессий к работе с верующими воинами, а в 2011 г. приказом министра обороны Российской Федерации в штат воинских частей был введен помощник командира по работе с верующими военнослужащими. В этой связи возник вопрос изучения опыта участия Русской православной и иных церквей в повседневной деятельности войск армии и экипажей боевых кораблей флота Российской империи, определение степени значения религии в деле воспитания широких солдатских масс и влияние ее на мировоззрение, нравственные устои и настроения военных.

Надо понимать, что в многонациональной и поликонфессиональной дореволюционной России воинские части и подразделения, дислоцированные на территории Амурского, в дальнейшем – Приамурского края, в смысле вероисповедания никогда не были однородной массой. Естественно, что в большинстве они принадлежали к православию, однако часть военнослужащих исповедовала лютеранство, другие же являлись римско-католиками. Их, как представителей христианской веры, приказом по Приамурскому военному округу именовали инославными. К иноверцам тем же приказом отнесли магометан и иудеев¹. Отношение к представителям этих религий как со стороны командования, так и со стороны Русской православной церкви было терпимым. Воинский устав в ст. 92 прямо требовал: «Хотя Православная вера господствующая, но иноверцы, инославцы пользуются повсеместно свободным отправлением их веры и богослужения по обрядам оной». Пасомым внушали: «...Все мы, христиане, магометане, евреи, вместе молимся одновременно Богу нашему, потому Господь Вседержитель, сотворивший небо и все, что есть на Земле, есть для нас единый, истинный Бог»².

Организация духовно-нравственного воздействия на личный состав войск Дальнего Востока России неправославного вероисповедания в исследуемый период преследовала ряд целей, основными из которых являлись: предоставление возможности этим военнослужащим исполнять церковные обряды согласно требованиям своей веры; интегрирование данных воинов в общую духовную среду защитников царя и Отечества, пе-

рестройка сознания и психики на армейский лад, а также мобилизация их на качественное выполнение служебно-боевых задач.

В составе Сибирских, впоследствии Восточно-Сибирских линейных батальонов, пребывавших в Амурском крае с начала его освоения, находились и военные чины римско-католической веры. Преимущественно это были выходцы из Польши, осужденные за участие в народно-освободительном движении своего государства и сосланные в солдаты. Как уже указывалось, в войска, дислоцированные на окраинах Российской империи, направлялось немалое количество «порочных», «штрафованных» нижних чинов. К исходу 1859 г. в Дальневосточном регионе, по подсчетам католического священника о. Кшиштофа Швермицкого, было 323 католика и 26 католичек. В большинстве своем это были солдаты и офицеры. В частности, в Благовещенске, в 1860 г. служили 3 офицера и 45 нижних чинов католической веры. Во Владивостоке в 1904 г. насчитывалось две тысячи военнослужащих-католиков³.

С духовным окормлением католиков, как, впрочем, и иных инославных, возникли определенные трудности. Ведомство протопресвитера военного и морского духовенства вместе с Камчатской епархией занимались в основном распространением православия в Приамурье, а инославные оставались без должного присмотра. В это время в Маньчжурии и на Амуре действовала французская католическая миссия, и, чтобы не допустить влияния европейских католиков на российских военнослужащих, по настоянию генерал-губернатора Восточной Сибири М.С. Корсакова на Дальний Восток был назначен католический священник. Им оказался викарный священник римско-католического прихода г. Улла Витебской губернии Могилевской римско-католической архиепархии о. Казимир Радзишевский. Указ о его назначении император Александр II подписал 18 февраля 1866 г. В Николаевск-на-Амуре, к месту пребывания кафедры, о. Казимир прибыл осенью 1867 г. В доме бывшего казначейства он открыл первую дальневосточную римско-католическую часовню Святых Кирилла и Мефодия. Священник состоял в штате управления Амурским краем, «имел содержание в 600 рублей в год» и окормлял как военнослужащих-католиков, так и иных жителей Амурской и Приморской областей католического вероисповедания в течение двадцати с небольшим лет. Должность его именовалась «штатный курат римско-католической церкви Амурского края».

Скончался о. К.И. Радзишевский скоропостижно 6 июля 1893 г. в Благовещенске в ходе пастырского визита, на 55-м году жизни. Там же и погребен по православному обряду⁴.

Вместо умершего о. Казимира на должность курата римско-католических церквей Приамурского края и нештатного военного капеллана Приамурского военного округа в начале 1894 г. из Риги прибыл на место пребывания во Владивосток священник о. Адам Шпиганович. 6 августа 1896 г. он освятил католический храм в Благовещенске. В конце 1902 г. его назначили настоятелем римско-католического прихода в Омске⁵.

Следующим куратом римско-католических церквей Приамурского края и Квантунской области стал о. Петр Павел Бульвич, прибывший во Владивосток в начале 1903 г. с должности викарного священника из Благовещенска. В 1909 г. переведен в приход г. Иркутска.

7 июня 1904 г. «Высочайше утверждено положение Военного совета об учреждении должности Римско-католического священника для войск Приамурского военного округа и Квантунской области и причетника при нем из нижних чинов... Штаб-квартиру означенному священнику определить в г. Хабаровске, при штабе округа»⁶. Первым штатным римско-католическим священником для дальневосточных войск России стал ксендз Петр Янукович. Но в силу ряда причин он не прибыл к месту назначения, и фактически первым оказался ксендз Станислав Каетан Домбровский,

назначенный 9 ноября 1905 г. из Иркутска. В ноябре 1907 г. он переведен настоятелем прихода в г. Мариинск Томской губернии, в 1913 г. «лишен навсегда духовного сана... с исключением из списков духовенства»⁷.

После о. Домбровского военным капелланом Приамурского военного округа служил ксендз Болеслав Янович, который в июне 1909 г. встречал и сопровождал титулярного епископа Могилевской архиепархии о. Яна Цепляка в его инспекторской поездке по Приамурскому краю, соучаствовал в богослужениях⁸.

Вместо о. Болеслава в июне 1912 г. с должности викарного священника войск Варшавского военного округа на Дальний Восток прибыл о. Иоанн Дыргялло (в других источниках – Дыриялло⁹). Летом 1914 г. он был переведен в г. Харбин.

Последним штатным военным капелланом Приамурского военного округа стал о. Доминик Микшис, назначенный на эту должность в августе 1914 г. Он самовольно оставил должность и в 1916 году убыл в г. Харбин¹⁰.

При каждом штатном капеллане (курате) войск Приамурского военного округа состоял штатный причетник из числа солдат католического вероисповедания, которого из его подразделения переводили в команду нижних чинов окружного штаба¹¹. Ими были: Карл Буржинский, нижний чин 5-го Восточно-Сибирского стрелкового батальона, с июня 1886 г. – помощник о. К.И. Радзишевского¹²; Адольф Вишневецкий, рядовой Николаевского крепостного пехотного полка, в сентябре 1908 г. зачисленный штатным причетником при капеллане войск Приамурского военного округа о. Б. Яновиче с переводом в команду нижних чинов окружного штаба¹³; Ян Политовский, стрелок 5-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, в мае 1910 г. зачисленный в штат штаба округа причетником к капеллану войск Приамурского военного округа о. Б. Яновичу с переводом в команду нижних чинов окружного штаба¹⁴ и Флориан Сапешко, стрелок 1-го Сибирского Его Величества стрелкового полка, который в декабре 1913 г. был зачислен в штат штаба округа причетником к капеллану войск Приамурского военного округа о. И. Дыргялло с переводом в команду нижних чинов окружного штаба¹⁵.

С разрешения министра внутренних дел России в Благовещенске 6 августа 1896 г. был открыт католический приход в честь Преображения Господня. По законам того времени план строительства этого иноверческого храма утверждал православный епископ Камчатский Гурий (С.В. Буртасовский)¹⁶. Викарный священник данного прихода по совместительству являлся и нештатным гарнизонным католическим священником. Подобная ситуация сложилась и во Владивостоке с открытием там католического прихода.

По определенному графику для духовного окормления своей паствы римско-католические священники совершали пасторские визиты, в ходе которых посещали и военные гарнизоны округа. Накануне прибытия их командование гарнизонов издавало приказы, – например: «...25 апреля 1897 г. в Хабаровск прибыл курат римско-католических церквей Приамурского края и военный капеллан Шпиганович, которым ежедневно будут совершаться богослужения в казарме 3-го Восточно-Сибирского линейного батальона, на Военной горе, утром в 9.30 и вечером в пять часов»¹⁷ или «...куратором римско-католическим, начиная с четырех часов пополудни 17 сего марта, будут совершаться богослужения для исполнения обряда говения воинских чинов частей войск гарнизона крепости в следующем порядке: первая партия – воинские чины 9-го и 10-го В-С стр. полков с четырех часов по полудни 17 сего марта до шести часов по полудни 21 сего марта; вторая, третья, четвертая и пятая – с пяти часов по полудни 1 апреля до двух часов дня 3 апреля. Богослужения для говения воинских чинов 1–3 партий будут совершаться в местном приходском костеле,

для 4 и 5 партий – на Русском острове, в помещениях, отведенных распоряжениями командиров полков. Приказано в назначенное время выслать воинских чинов римско-католического вероисповедания для исполнения обряда говения командами при старших. Для совершения обряда курат выделяет двух священников. Исповедные списки в двух экземплярах составить по полкам и препроводить заблаговременно этому курату»¹⁸.

Командирам воинских частей Приамурского военного округа в июне 1901 г. было доведено предписание Главного штаба от 18 мая текущего г. за № 27930, что «нижние чины из иноверцев должны быть посылаемы в инославные храмы, а за неимением таковых в войсках должны быть командиремы иноверческие священнослужители»¹⁹.

Во время объездов римско-католическому священнику «для исполнения духовных треб в войсках производится порционное довольствие по 60 коп. в сутки за все время, проведенное им в разъездах и, кроме того, отпускаются прогонные деньги на 3 или 4 лошади, смотря по времени года, с помещением причетника при служителе так, чтобы сим последним прогоны не были отпускаемы особо»²⁰.

Циркуляром Главного штаба № 11945 от 17 февраля 1909 г. наминался приказ по военному ведомству № 178 от 1896 г. о том, что «при объездах для исполнения духовных треб иноверческим священнослужителям разрешено перевозить бесплатно 4 пуда груза из церковных предметов»²¹.

В 1913 г. до войск округа доведено «Разъяснение Главного Интендантского Управления», в котором указывалось, что «...2) состоящие в Амурской и Приморской областях священнослужители римско-католического и лютеранского исповеданий и магометанские муллы имеют право на провиантское довольствие наравне с духовенством православного исповедания...»²².

Католические службы (мессы) на российском Дальнем Востоке светская власть в ненавязчивой, но твердой форме предлагала проводить на русском языке, не допуская употребления польского. Сохранилась сопроводительная записка к римско-католическому требнику на русском языке, адресованная во Владивосток генерал-лейтенанту Фуругельму в конце 1876 г.: «...означенный требник лично вручить священнику (о. К. Радзишевскому – *Н.Д.*) и дать ему словесное наставление с возможной осторожностью, чтобы предупредить и отстранить всякое со стороны сего духовного лица покушение на противодействие предписанной правительством меры, касающейся отправления треб на русском языке, и не допустить ни в коем случае оставление этого распоряжения без исполнения»²³. Кроме того, католикам специально предписывалось не заниматься миссионерской деятельностью (прозелитизмом), так как именно римо-католики отличались в этом аспекте особой активностью.

Воинские чины Приамурского военного округа римско-католического вероисповедания принимали участие в жизни католической общины Дальнего Востока. Например, командир 3-го Восточно-Сибирского линейного батальона полковник Шилейко возглавлял строительную комиссию по постройке римско-католического молитвенного дома в Хабаровске, нижние чины-католики вносили на это богоугодное дело посильные суммы. Полагаем, что прекращение постройки молитвенного дома связано и с тем, что А.Д. Шилейко в 1903 г. был переведен к новому месту службы.

Энергией католиков – нижних чинов и офицеров Никольск-Уссурийского гарнизона (их, по данным окружного капеллана) насчитывалось почти три тысячи человек, было собрано четыре тысячи рублей, и в 1906 г. на земле военного ведомства возведена часовня из бревен размером 4х6 сажень. Мессы в ней вел капеллан местной римско-католической каплицы о. С. Лавринович²⁴.

Должность евангелическо-лютеранского дивизионного проповедника Амурской и Приморской областей с пребыванием в г. Николаевске-на-

Амуре была учреждена 5 ноября 1865 г., первым дальневосточным проповедником с 1866 г. по 1873 г. был пастор Мартин Курц, объезжавший своих единоверцев, включая и военных чинов в гарнизонах, по графику, согласованному с Управлением генерал-губернаторства. После него в Амурской и Приморской областях в летние месяцы с 1873 г. по 1877 г. служил пастор Герман Рошиер, проповедник колонии Верхний Суетук Минусинского уезда.

Следующего проповедника на Дальний Восток с пребыванием его во Владивостоке Генеральная Консистерия назначила только в феврале 1880 г. Им оказался кандидат богословия пастор Карл Август (Петрович) Румпетер²⁵.

В 1899 г. штатом для войск Приамурского военного округа евангелическо-лютеранского священника предусмотрено не было, однако в сноске помечено:

«б) для войск, расположенных в Амурской и Приморской областях, проповедник – 1, в Николаевске, с содержанием в год жалования 700 руб. и столовых 300 руб. и при нем кистер, не из нижних чинов, с жалованием ему в 100 руб. в год. Проповеднику этому отпускается в год на отопление и освящение помещения 135 руб. и казенная прислуга, причем во внимание к дороговизне в Приморской области отпускаются ему и его кистеру провиант по Сибирскому положению в размере одного солдатского пайка.

На разъезды для исполнения духовных треб этим проповедником выдаются прогонные деньги по примеру штатных проповедников на 3 лошади, а при вьючных трактах – на 4 лошади». Кистер из числа нижних чинов получал прогонные на две лошади. В подводе кистера перевозилась церковная утварь²⁶.

Пастор Румпетер служил в Приамурском крае более тридцати лет и умер в Благовещенске, в ходе пастырского визита в июне 1912 г. Тело его было перевезено во Владивосток и предано земле в ограде каменной кирпичи. По завещанию всё его имущество и капитал в сумме 3464 руб. 51 коп. оставлены в пользу церкви²⁷.

Сохранились приказы воинских начальников, изданные по случаю прибытия евангелическо-лютеранского священника в гарнизоны: «Лютеранским дивизионным пастором в местной (Владивостокской) лютеранской церкви с 15 по 18 мая включительно будут совершаться богослужения для совершения исповеди и Святаго Причастия над военными чинами частей войск гарнизона крепости. Приказано освободить в эти дни всех нижних чинов лютеранского вероисповедания и отправить командами в лютеранскую церковь к девяти-тридцати часам утра»²⁸.

В местных газетах сообщалось о визитах проповедника, например: «В Хабаровск прибыл евангелическо-лютеранский дивизионный пастор А.П. Румпетер, который в воскресенье, 28 июня и 29 июня 1898 г. совершит богослужение в доме действительного статского советника Кентмана около женской гимназии»²⁹, или: «Прибывший в Благовещенск лютеранский дивизионный пастор Август Петрович Румпетер с августа 1904 г. будет совершать богослужение в доме Паульсена на углу Зейской – Офицерской»³⁰. Командиры воинских частей требовали «освободить в указанные дни всех нижних чинов лютеранского вероисповедания и отправить командами к месту богослужения».

В декабре 1913 г. во Владивосток прибыл пастор Адальберт Леста из Томска, который также по определенному графику объезжал в том числе и военные гарнизоны Приамурского военного округа для проведения богослужений. Его содержание обходилось округу в 2400 руб. в год. В годы Первой мировой войны о. Адальберт снабжал «церковной утварью военнопленных лютеранской веры», содержащихся на территории округа, но посещение их ему не разрешалось. Также ему было запрещено проводить

проповеди на немецком языке. Дальний Восток пастор Леста покинул 18 января 1923 г., уйдя из Владивостока пароходом на родину, в Эстонию³¹.

Одним из основных требований к кандидатам на должность евангелическо-лютеранского дивизионного проповедника Амурской и Приморской областей было умение вести проповеди на нескольких языках. Так как вера эта в то время была распространена в большей мере в северной Европе, то чаще всего требовались немецкий, финский, эстонский и латышский языки.

Так получалось, что руководство военного порта Владивосток комплектовалось в основном выходцами из Лифляндии (адмирал фон Эрдман, например), и поэтому тоже именно во Владивостоке лютеранская кирха появилась раньше православного собора и католического костела. Известный писатель В.В. Крестовский, пребывая на Дальнем Востоке в должности секретаря военно-сухопутных отношений при начальнике русской эскадры на Тихом океане, оставил свое впечатление о Владивостоке 1881 г.: «...Что особенно кажется странным, и именно для русского глаза, это отсутствие заметных церковных глав и колокольни, на которых наши взоры привыкли останавливаться еще издали в каждом русском городишке, в каждом селении. Здесь этого нет. Здесь вы гораздо прежде заметите совершенно приличную лютеранскую кирху, сооруженную на видном месте, чем бедную православную церковь»³². Не случайно разрешение на строительство католического костела на берегу бухты Золотой Рог Министерством внутренних дел России не давало до тех пор, пока в городе не возвели православный собор.

Во время русско-японской войны при армейских корпусах маньчжурских армий состояли римско-католические кураты и евангелическо-лютеранские дивизионные проповедники, призванные по мобилизации – например, пастор Фридрих Шмитхен, старший полевой евангелическо-лютеранский дивизионный проповедник Маньчжурской армии в войне с Японией или пастор Карл Авот, полевой евангелическо-лютеранский дивизионный проповедник, проводивший проповеди на немецком языке. На латышском и эстонском языках проводили проповеди пастор Карл Фельдман и пастор Эрнст Йеше. Пастор Юккум был призван в Маньчжурскую армию из г. Балтийск-Порт. В июле 1905 г. он совершил проповеди в Хабаровске, Владивостоке и населенных пунктах Южно-Уссурийского края на немецком и эстонском языках. Некоторые кураты и проповедники за свои богоугодные труды были награждены³³.

Ислам считает воинскую службу мусульман одной из необходимых для них обязанностей мусульман. Духовное окормление магометан Приамурского военного округа осуществлялось штатными и нештатными муллами. Первым муллой, допущенным к работе в войсках округа, стал крестьянин из ссыльных Александровского округа острова Сахалин оглы Габдул-Гафар-Абдул-Джебар, который 5 августа 1890 г. обратился с просьбой к властям позволить отправлять в Хабаровке обязанности муллы. Он обязался «в возносимых молитвах к Богу молиться за здоровье и благоденствие Российского Царствующего дома. Ничего противного христианской церкви, а также Правительству им совершенно не будет». Получив разрешение, он довел до сведения единоверцев: «Я, нижеподписавшийся Хаджи, Имам и Мугаллем, Габдул-Гафар-Абдул-Джебар, имею честь разъяснить, что на основании свода законов Российской империи... был выбран муллою для магометанских треб с 1891 г. нижними чинами Хабаровского и Владивостокского гарнизонов магометанского исповедания...».

Генерал-губернатором Приамурского края мулле было определено жалование от казны³⁴.

Однако штатная должность муллы в Приамурском военном округе существовала всего пять лет – до 24 июня 1896 г., когда все штатные должности военных мулл в русской армии были упразднены. Но военные

мусульмане Дальнего Востока не остались без религиозного призрения: «По случаю праздников: 18 апреля – «Гарафа», 19, 20 и 21 апреля 1898 г. – «Гайды-Курбан», командующий войсками округа приказал освободить от занятий всех нижних чинов магометанского вероисповедания и выслать таковых в вышеозначенные праздничные дни в дом муллы Габдуль-Гафара Абдул-Джебарова, где для них будут совершаться богослужения»³⁵.

С началом русско-японской войны в военных госпиталях было разрешено иметь магометанских мулл, в связи с чем был издан соответствующий приказ: «прикомандированным Главным Штабом в Приамурский военный округ и назначенным состоять при военно-врачебных заведениях округа для удовлетворения духовных потребностей воинских чинов магометанского исповедания муллам производить со дня прибытия в Хабаровск: жалование из оклада 216 руб. в год каждому с отпуском им квартиры натурой и всего прочего довольствия, установленного для больных нижних чинов в военно-врачебных заведениях округа»³⁶. Так, на должность муллы при Хабаровском сводном № 1 госпитале в декабре 1904 г. был назначен младший унтер-офицер 11 роты 32-го Восточно-Сибирского стрелкового полка крепости Владивосток Шайхулла Габдулхаков³⁷.

В 1908 г. высшее руководство страны вернуло штатных мулл в войска. Приказом по военному ведомству № 319 в штат Приамурского военного округа были введены две единицы магометанских мулл: «...мулла – 2, за узаконенными вычетами жалование в год 264 рубля, столовые – 264 рубля, квартирные – 132 рубля.

Должности магометанских мулл причисляются к окружным штабам или к тем частям войск и управлениям, к коим командующий войсками признает необходимым.

Магометанским муллам во время объездов для исполнения духовных треб в войсках выплачиваются прогонные на тех же основаниях, как и священнослужителям иноверческого (католики и лютеране) духовенства.

Показанные в сем штате муллы пользуются правом на пенсию из государственного казначейства и эмиритуру на основаниях, установленных для военнослужащих иноверческого духовенства.

За исполнение духовных треб и обрядов для военнослужащих особого вознаграждения штатным магометанским муллам не полагается»³⁸.

В развитие этого приказа командующий Приамурским военным округом предписал: «...Одну из этих должностей причислить: 1) к Штабу округа: Хабаровский, Благовещенский и Николаевский гарнизоны, о. Сахалин, Приамурский саперный батальон и Приамурская полевая железнодорожная рота; 2) к Штабу Владивостокской крепости – все остальные и Иманский гарнизон.

Все положенное от казны довольствие муллы получают при штабах, где состоят.

Право определения на должности мулл дано начальнику штаба округа и коменданту Владивостокской крепости»³⁹.

Муллой штаба Приамурского военного округа служил «Габдулганий Мурзенков (он же Рамазанов)», который 1 января 1912 г. «ВЫСОЧАЙШИМ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА соизволением пожалован серебряной нагрудной медалью на Станиславской ленте»⁴⁰.

Командование приамурских воинских частей продолжало заботиться о религиозных чувствах солдат-мусульман: «За погребение магометан всем лазаретам установить плату в 4.80 и сверх того по два рубля, если по заявлению муллы потребуется выкладка могилы досками»⁴¹. «Всех нижних чинов магометанского вероисповедания освободить от служебных занятий 20, 21 и 22 сего декабря в день праздника Гайды-Курбан для слушания богослужения»⁴². «По случаю магометанского праздника «БАЙРАМА» приказано освободить нижних чинов магометанского вероисповедания от занятий 25 сего июня и выслать на богослужение к 10 часам

утра в отведенное для сего распоряжением штаба 3-й В-С стр. дивизии помещение в одной из свободных казарм командами при старших. Справка: рапорт военного муллы от 16 июня сего года»⁴³.

В начале 1916 г., когда округ практически полностью укомплектовали ополченскими дружинами из мусульманских народов Поволжья, последовало уточнение границ территорий, на которых работают штатные муллы:

« – Мулла штаба округа отправляет требы военнослужащих Хабаровского, Благовещенского и Николаевского гарнизонов, а также казаков станичных округов, расположенных по р. Амур;

– Мулла штаба крепости – гарнизоны Южно-Уссурийского отдела войск и казачьи станицы Гродековская и Полтавская»⁴⁴.

В войсках Приамурского военного округа имелось немалое количество военнослужащих, причислявших себя к иудейской вере. Во всяком случае, в составе частей и подразделений, участвовавших в боевых действиях в ходе русско-китайского конфликта летом 1900 г. и русско-японской войны 1904–1905 гг., по некоторым данным, находилось от двадцати и до тридцати тысяч евреев⁴⁵.

К евреям наблюдалось двойное отношение; их, с одной стороны, считали смутьянами-революционерами, особенно после серий покушений на высших государственных лиц России в 1880–1890 гг., с другой стороны, это были «люди трезвые и исполнительные», и некоторые роты в военное время имели в своем составе до 10% нижних чинов иудейской веры.

Для удовлетворения их религиозных потребностей в войсках также издавались приказы, например, такой: «По случаю еврейского праздника Пятидесятницы, Комендант Владивостокской крепости приказал нижних чинов частей войск крепостного гарнизона иудейского вероисповедания освободить от занятий 31 мая и 1 июня и уволить в синагогу на богослужения. Подписал начальник штаба крепости полковник барон (фон) Будберг»⁴⁶.

В иудейских молитвенных домах, находившихся в Благовещенске и Владивостоке, службу вели раввины, которые избирались еврейским сообществом и именовались общественными раввинами и содержались за счет единоверцев. В 1912 г. в Приамурском крае был назначен казенный раввин, имевший содержание от казны.

Вот имена некоторых дальневосточных раввинов: Абрам Циммерман – первый, с 1875 г., общественный раввин Благовещенска; первый общественный раввин Владивостока С.Л. Скидельский в 1913 г. назначен казенным раввином, А.Л. Рабинович был общественным раввином Владивостока в 1908 г., Л.Г. Беняш стал им после А.Л. Рабиновича. Сын А. Циммермана Давид Абрамович в 1912 г. назначен первым казенным раввином Приамурского края и нештатным раввином военного округа. Последним общественным раввином во Владивостоке в 1914–1918 гг. был М. Ашкенази⁴⁷.

По субботам раввины осуществляли религиозную деятельность среди военных чинов-иудеев.

Клятва раввина Владивостока (август 1907 г.) содержала следующее: «...Ничего противного существующим на сие узаконениям и правилам, или противного высокой Власти Императора, Августейшему Его дому, государству, постановленным от него начальникам и всем его верным поданным, производимо не будет»⁴⁸.

Российская власть приветствовала отказ от иудейской веры и переход в веру христианскую. И такие переходы среди военнослужащих округа имели место. Чаще всего евреи предпочитали лютеранство. Таких евреев называли «выкресты».

Таким образом, военнослужащие неправославной веры, проходившие службу в войсках Приамурского военного округа, также получали религиозное обеспечение, однако очевидно, что они испытывали при этом неко-

торые душевные неудобства. Им чаще и больше приходилось нести служебных обязанностей за своих православных сослуживцев, которые принадлежали к доминирующей в государстве религии. Возможно, они внутренне не всегда были согласны с теми дополнительными обязанностями по службе, которые вынужденно выполняли. Считаем, что, например, отказ солдат-строителей Владивостокского поста возводить там бесплатно православную церковь связан именно с наличием в воинской команде большого количества неправославных нижних чинов.

Руководство армии сразу ставило неправославных священников, допущенных к духовному окормлению личного состава, в определенные рамки посредством присягания на отказ от противодействия православным интересам России.

Среди воинов-дальневосточников работали священники основных конфессий, которые были в России, но в своей деятельности они практически не соприкасались. Каждое духовное лицо подчинялось своему непосредственному религиозному начальству. В силу того, что в мирное время в штатах стрелковых полков и им равных частей Приамурского военного округа находились только православные причты, полковым батюшкам приходилось в случае необходимости и наставлять инославных и иноверных воинов, и отпевать их. Священники римско-католической, евангелическо-лютеранской, иудейской и магометанской веры свою военную паству в большинстве случаев окормляли «наездами», в ходе пастырских визитов, только православный воин-дальневосточник всегда был под постоянным духовным покровительством.

В целом же военное и административное руководство российского Приамурья адекватно реагировало на изменяющуюся религиозную обстановку в войсках, регулируя вопросы веры посредством приказов, приказаний и циркуляров, а также вводом в штат необходимого числа священников, оно принимало все посильные в тех обстоятельствах меры, обеспечивающие почти равные возможности для отправления религиозных нужд воинских чинов.

Библиографический список

Ефимова М. Вера сквозь века. История римско-католической церкви Дальнего Востока России. – Владивосток. – 2006. – 243 с.

Овсиенко Ф.Г. Католицизм. – М., 2005.

Фон-Гауффе Н. Краткий исторический обзор возникновения на Дальнем Востоке лютеранского прихода и деятельности его. – Владивосток, 1924. – 40 с.

Климович Л. Ислам в царской России. Очерки. – М.: ГАРИ, 1936. – 95 с.

Насыров И. Ислам и военная служба в России. – М., 2005. – 164 с.

Петровский-Штерн Й. Евреи в русской армии в 1827 – 1914 гг. – М. Новое литературное обозрение, 2003.

Прикоснувшись к истории. О евреях Дальнего Востока. Библиотека Общества изучения Амурского края (ОИАК).

«Новое время». Журнал.

«Восход». Журнал.

«Амурская газета» – г. Благовещенск.

«Владивосток» (Газета) – г. Владивосток.

«Приамурские ведомости» (Газета) – г. Хабаровск.

Приказание войскам Приамурского военного округа. – Хабаровск: Издание штаба округа.

Приказы войскам Приамурского военного округа. – Хабаровск: Издание штаба округа.

Государственный архив Амурской области (ГААО). Ф. 15-и. Оп. 1. Ед. хр. 168 // Приказы войскам Благовещенского гарнизона.

Материалы конференции к 100-летию ведомства военного духовенства. СПб., 1903.

Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 1 и 702.

¹ ГААО // Приказания войскам Приамурского военного округа / инв. № 3940, № 39 – 09.02.1913.

² Материалы конференции к 100-летию ведомства военного духовенства. Из речи Военного Протопресвитера Желябовского. – СПб., 1903.

³ Ефимова М. Вера сквозь века. История римско-католической церкви Дальнего Востока России. – Владивосток, 2006. – С. 33, 78-79.

⁴ Там же. – С. 48-63.

⁵ Там же. – С. 65-72; ГААО // Приамурские ведомости, Инв. № 1899 / №№ 174 – 1897.

⁶ ГААО // Приказы войскам Приамурского военного округа, инв. № 3921, № 494 от 29.07.1904.

⁷ Ефимова М. Вера сквозь века... – С. 83-87.

⁸ Там же. – С. 65-72; ГААО // Приказы войскам Приамурского военного округа, инв. № 3999, № 429 от 04.07.1912; ГАХК // Приамурские ведомости. – № 142 – 1809.

⁹ ГААО // Приказы войскам Приамурского военного округа, инв. № 3999, № 429 от 04.07.1912; Ефимова М. «Вера сквозь века... – С. 113-115.

¹⁰ ГААО // Приказы войскам Приамурского военного округа, инв. № 3941, № 600 от 28.08.1914; Ефимова М. «Вера сквозь века... – С. 115-116.

¹¹ ГААО // Приказания войскам Приамурского военного округа, инв. № 3915, № 183 от 17.09.1908.

¹² Ефимова М. Вера сквозь века. – 2006. С. 57.

¹³ ГААО // Приказания войскам Приамурского военного округа, инв. № 3915, № 183 от 17.09.1908.

¹⁴ Там же. Инв. № 3964, № 79 от 08.06.1910.

¹⁵ Там же. Инв. № 3940, № 358 от 22.12.1913.

¹⁶ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 63. Л. 7.

¹⁷ ГААО // Приамурские ведомости. Инв. № 1899, № 174 от 1897 г.

¹⁸ Библиотека Приморского государственного объединенного музея им. В.К. Арсеньева, отдел редких книг (Б-ка ПГОМ, ОРК) // Приказания по Владивостокской крепости. – № 34 от 1910 г.

¹⁹ ГААО // Объявления войскам Приамурского военного округа. Инв. № 3903, № 162 от 30.06.1901.

²⁰ ГАХК // Приказ по военному ведомству № 212 от 1898 г. Л. 99.

²¹ ГААО // Приказания войскам Приамурского военного округа, инв. № 3918, № 67 от 07.03.1909.

²² Там же. Инв. № 3940, № 117 от 12.07.1913.

²³ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 305. Л. 21.

²⁴ Ефимова М. Вера сквозь века... – С. 83.

²⁵ Фон-Гауффе Н. Краткий исторический обзор возникновения на Дальнем Востоке лютеранского прихода и деятельности его. – Владивосток, 1924. – С. 1, 40.

²⁶ ГАХК. Приказ по военному ведомству № 212 от 1898 г. Л. 102.

²⁷ ГААО. Амурская газета. Инв. № 2554, № 27 от 1904 г.; Фон-Гауффе Н. Краткий исторический обзор возникновения на Дальнем Востоке лютеранского прихода... – С. 4, 5, 9, 15.

²⁸ Б-ка ПГОМ, ОРК. Приказания по Владивостокской крепости № 61 от 1910 г.

²⁹ ГААО. Приамурские ведомости. Инв. № 1900, № 235 – 1898.

³⁰ ГААО. Амурская газета. Инв. № 2554, № 27 от 1904 г.

³¹ Фон-Гауффе Н. Краткий исторический обзор возникновения на Дальнем Востоке лютеранского прихода. – С. 21, 22, 33.

³² Крестовский В.В. О положении и нуждах в Южно-Уссурийском крае // Русский вестник. – 1881. – № 6.

³³ Фон-Гауффе Н. Краткий исторический обзор возникновения на Дальнем Востоке лютеранского прихода... – С. 10-11.

³⁴ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 64 О разрешении отправлять обязанности муллы.

³⁵ ГААО. Приамурские ведомости. Инв. № 1900, № 225 от 1898 г.

³⁶ ГААО. Приказ войскам Приамурского военного округа. Инв. № 3921, № 514 от 23.08.1904.

³⁷ ГААО. Приказы войскам Приамурского военного округа. Инв. № 3908, № 142 от 18.02.1905.

³⁸ ГАХК Приказ по военному ведомству № 319 от 1908 г. Л. 103.

³⁹ ГААО. Приказ войскам Приамурского военного округа. Инв. № 3916, № 475 от 16.09.1908.

⁴⁰ ГААО. Приказы войскам Приамурского военного округа. Инв. № 3933, № 87 от 09.02.1912; инв. № 8984, № 424 от 04.09.1916; Приказание войскам Приамурского военного округа. Инв. № 3942, № 530 от 09.11.1914.

⁴¹ Там же. Инв. № 3874, № 36 от 07.02.1892.

⁴² Там же. Инв. № 3916, № 160 от 16.12.1908

⁴³ Б-ка ПГОМ. ОРК. Приказание по Владивостокской крепости № 72 от 1910 г.

⁴⁴ ГААО. Приказание войскам Приамурского военного округа. Инв. № 3952, № 32 от 22.01.1916.

⁴⁵ Журналы «Новое время» от 10.03 1906 и «Восход» – № 3 от 1905 г.

⁴⁶ Б-ка ПГОМ. ОРК. Приказание по Владивостокской крепости № 66 от 1910 г.

⁴⁷ Б-ка ОИАК. Прикоснувшись к истории. Инв. № 44639. О евреях Дальнего Востока.

⁴⁸ Там же. Л. 14.

Островская О.П.

ФЕНОМЕН МАССОВОЙ МИГРАЦИИ ПЯТИДЕСЯТНИКОВ В г. НАХОДКУ. ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются основные факторы массовой миграции пятидесятников в г. Находку в конце 1950-х гг. XX в. и анализируются ее причины. К ним относится комплекс объективных изменений политической и религиозной ситуации в стране и конфессиональных особенностей пятидесятничества. Появление данного феномена создало практическую модель взаимодействия советского государства и верующих в условиях отдельного города.

Ключевые слова: пятидесятники, Дальний Восток России, миграция, государственно-конфессиональные отношения.

Пятидесятничество, одно из поздних направлений протестантизма, входит в число динамично развивающихся конфессий, отличаясь не только высокими темпами роста количества общин и верующих, но и все большим стремлением заявить о себе в социокультурной действительности. Стремительно распространяясь в мировом масштабе, это движение «не могло пройти мимо России» и уже около столетия присутствует в российском религиозном пространстве¹. Среди многочисленных протестантских направлений пятидесятников (христиан веры евангельской) выделяют как особенности вероучения, так и религиозные практики, которые в настоящее время вызывают все больший интерес исследователей.

На российском Дальнем Востоке из всех протестантских конфессий христиане веры евангельской составляют абсолютное большинство – более 150 религиозных общин (без учета религиозных групп), уступая в количественном отношении только религиозным общинам Русской православной церкви².

В истории российского классического пятидесятничества есть эпизод, когда в условиях советского времени массовая добровольная миграция верующих привела к значительной концентрации пятидесятников (ХВЕ) в провинциальном населенном пункте на востоке страны. Исход пятидесятнических общин в середине 50-х гг. – одна из самых интересных страниц в региональной конфессиональной истории. Начиная с 1957 г., на протяжении нескольких лет, вектор миграций прибывающих из западных районов семей пятидесятников был направлен в город Находку, расположенный на морском побережье Приморского края. Среди социальных движений российских верующих не так много примеров, когда феномен целенаправленной миграции приобретает столь внушительный размах. Необходимо по-